

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.155

РАННИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. БЕРЛИНА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье приведены ранние философские воззрения И. Берлина – одного из наиболее известных представителей интеллектуальной истории и политической теории. Указывается, что предметом философии являются не элементы опыта, а способы их рассмотрения, постоянные или относительно постоянные категории, в терминах которых он мыслится и классифицируется. Рассматривается анализ принципа верификации, осуществленный Берлином.

Ключевые слова: интеллектуальная история, философия, позитивизм, верификация, феноменализм.

Наиболее читаемые и обсуждаемые работы Исаяи Берлина посвящены интеллектуальной истории свободы – одного из фундаментальных концептов западной цивилизации [6], хотя на раннем этапе творчества он был сосредоточен на изучении философии, теории познания и теории значения, разрабатываемых в Оксфорде в конце 1930-х годов [4, р. XIII].

Его интерес к философии был инспирирован посещением занятий в Оксфорде, трудами Венской школы, работами Б. Рассела, Р. Карнапа, Л. Витгенштейна и М. Шлика [1]. Значительное влияние на складывание историко-философских взглядов оказал Р. Дж. Коллингвуд – единственный из оксфордских философов того времени, практиковавший исторический подход к философским проблемам [2, с. 96]. В определенном смысле Берлина можно считать наследником англо-американской аналитической традиции, которая, в толковании Б. Уильямса, представляет собой определенный стиль мышления, характеризующийся последовательной аргументацией и относительно ясным языком [3, с. 171].

В размышлениях об интеллектуальной карьере Берлина А. Райан указывает на острые и точные высказывания относительно аналитических приемов логических позитивистов, которые демонстрировали большой талант теоретика, но не давали никаких представлений относительно его будущего вклада в решение философских проблем [13]. Возможно, это понимал и сам Берлин, поэтому в 1944 г. он отошел от чистой философии в пользу изучения истории идей [11]. Причины подобного перехода Берлин объяснял следующим образом: «лучше всего ответ на этот вопрос даст запись моего разговора с покойным профессором Х.М. Шеффером из Гар-

варда, с которым я познакомился в конце войны, когда работал в британском посольстве в Вашингтоне. Шеффер, один из самых выдающихся математических логиков своего времени, сказал мне, что, по его мнению, существуют только две философские дисциплины, в которых можно надеяться на прирост постоянных знаний: одной из них является логика, в которой новые открытия и приемы вытесняют старые...; другой – психология, которую он считал в некоторых отношениях все еще философской – эмпирическое исследование, способное к устойчивому развитию... Далее он сказал, что философия была чудесной областью мысли, но ей, по его мнению, не помог, а даже нанес серьезный вред логический позитивизм... то, чем были заняты «Carnap and Co» (как он их называл) оттолкнуло его и разрушило бы настоящую философию, как ее понимали он и его учитель». Хотя Берлин не был согласен с обвинительной позицией Шеффера и подобной однозначной негативной оценкой логического позитивизма, его слова произвели глубокое впечатление [4, р. XI–XII]. Именно тогда Берлин начал рассматривать чистую философию как область, близкую критике или поэзии, в которой было бы невозможно пополнить запас «положительных человеческих знаний», и пришел к выводу, что должен сосредоточить свои усилия в области истории идей [12], которая сосредотачивалась на изучении, оценке и усовершенствовании существующих способов мышления и использования слов, делая их «менее внутренне противоречивыми», при осознании безграничного характера исследования [10].

Сборник эссе «Концепты и категории» представляет собой более ранние работы Берлина, сфокусированные на проблемах философии, теории познания и теории значения. Они были написаны во время преподавания философии в Оксфорде и, по оценке самого автора, принадлежали своему месту и времени [4, р. XIII]. Данные работы во многом оказали влияние на последующую методологию интеллектуальной истории, а многие фундаментальные черты позднего ценностного плюрализма возможно обнаружить в ранних трудах о значении, верификации, феноменализме.

Философия, по Берлину, не является эмпирическим исследованием, равно как и формальной дедукцией по типу математики или логики. Предметом философии выступают не элементы опыта, а способы их рассмотрения, постоянные или относительно постоянные категории, в терминах которых он мыслится и классифицируется. Основные задачи философии виделась Берлину следующими. Во-первых, выявление категорий и концепций, в терминах которых мыслит человек; во-вторых, обнаружение элементов, которые являются неясными или противоречивыми, демонстрация конфликтов, препятствующих построению более адекватных способов организации, описания и объяснения опыта; в-третьих, рассмотрение природы самой деятельности (например, в границах гносеологии, философской логики, лингвистического анализа) и выявление скрытых моделей. Тем самым философия должна сосредотачиваться на вопросах, возникающих в результате попыток осмыслить опыт в процессе исследования концепций и

категорий, которые являются преходящими и подверженными изменениям. Цель философии всегда одна: помочь людям понять самих себя и, таким образом, действовать открыто и ясно, а не в темноте» [7, р. 10–11].

Философская программа группы оксфордских мыслителей, к которой Берлин принадлежал до войны, была отчасти определена логическим позитивизмом. Их интересовали условия, в которых предложения приобретают значение, связи между значением и верификацией, проблемы феноменализма. В центре внимания стояла, в первую очередь, философия познания, особенно процессы восприятия: каким образом человек познает какие-либо вещи и что подразумевает высказывание «я знаю что-либо». Коллеги Берлина утверждали, что эти вопросы связаны с использованием языка, при этом значение предложения оценивалось на основе вопросов «откуда мы знаем, что означает данное предложение, и имеет ли оно вообще какое-либо значение?». Сторонники верификации утверждали, что смысл высказывания заключается в обнаружении возможных способов его проверки: если, подобно моральным, религиозным или метафизическим утверждениям, его нельзя было проверить, то есть показать, является ли оно истинным или ложным, – оно не имеет никакого значения как констатация факта, а является исключительно выражением личного вкуса или же попросту бессмысленным. В рамках феноменализма утверждалось, что все наши знания происходят из чувственных впечатлений: человек может познать только то, что представлено чувственными данными.

В целом Берлин считал данные доктрины полезными для устранения путаницы и выявления ошибок. В то же время он никогда не был позитивистом и, серьезно интересуясь философией в то время, когда ее самые насущные вопросы исходили из данной области, создал работу, которая оспаривала подобное философское направление. Вопреки общему представлению о том, что смысл наших утверждений о реальности определяется непосредственно процедурами ее познания, Берлин утверждал, что понимание действительности уже включает в себя представления о ней как существующей независимо от нас и нашего понимания: «так что наши размышления о том, что мы имеем в виду, когда характеризуем эту реальность, не могут быть адаптированы к позитивистской идее о том, что истины о реальности должны быть эквивалентны истинам о нас» [9, р. XIV].

В центре рассуждений о верификации Берлина стоят предложения, относящиеся исключительно к объектам «непосредственно известной области», – если критерий верификации не применим при работе с ними, он не подходит и для более сложных случаев утверждений о материальных объектах [8, р. 12–13]. Сама же сущность принципа верификации становится для него ясной, если рассмотреть ее видоизменения при столкновении со сложностями. Утверждение, что все значимые высказывания связаны либо с фактами об опыте, либо с символическими средствами их выражения, для Берлина является слишком расплывчатым. В этом случае метафизики и тео-

логи могут заявить, что они тоже сообщают о фактах опыта, пусть и совершенно иного порядка, полностью выходящего за рамки каких-либо свидетельств, полученных в результате наблюдения или самоанализа. Для исключения подобного была принята верификация, которая, как утверждалось, позволяла бы определить, является ли данное словосочетание значимым.

В своей самой ранней и наиболее бескомпромиссной форме данный принцип утверждал, что смысл предложения лежит в средствах его проверки, поэтому вопросы «Что означает высказывание “р”?» и «Что нужно сделать, чтобы узнать, истинно ли “р”?» являлись логически эквивалентными – ответ на один был ответом на другой. Самым очевидным возражением Берлина против верификации является то, что подобная формулировка включает в себя логическую ошибку, состоящую в том, что последующее явление ставится перед предыдущим: «прежде, чем я смогу придумать возможные способы проверки данного высказывания, я должен сначала узнать, что означает это утверждение, иначе нечего будет верифицировать» [8, р. 14]. Как возможно понять, утверждает ли набор символов истину или ложь, если нет уверенности в том, что он означает, и действительно ли он вообще что-нибудь означает? Следовательно, понимание того, что означает предложение, должно в каком-то смысле предшествовать исследованию его истинности и не может быть определено в терминах возможности такого исследования.

В то же время, как указывал Берлин, подобное возражение не так серьезно, как кажется. Сторонник верификации может ответить, что понимание предложения подразумевает, что кто-то может представить себе положение дел таким образом, что если оно имеет место, то рассматриваемое предложение является условно правильным описанием, т. е. суждение, выраженное предложением, истинно, а если это не так, то суждение является ложным. Из этого следует, что любое предложение, для которого невозможно представить никакого опыта, правильным описанием которого оно является, следует рассматривать как бессмысленное. Все, что выдерживает строгую процедуру, может быть исчерпывающе классифицировано как прямые утверждения о возможном опыте, то есть как эмпирические предложения. Берлин характеризовал подобную позицию как совершенно несостоятельную, поскольку при буквальном толковании верификация всегда будет относиться к настоящему или ближайшему будущему, в котором только и могла иметь место проверка. Это придает всем утверждениям о прошлом и очень многим утверждениям о настоящем и будущем смысл, весьма отличающийся от того, которым они обладают [8, р. 15]. В данном случае такое предложение, как «Полчаса назад шел дождь», должно расцениваться как эквивалентное одному или нескольким из таких утверждений, как «В моей памяти относительно свежий образ прошедшего дождя», «Я смотрю на график барометра и вижу волнообразную линию определенной формы». Подобное, по мнению Берлина, неудовлетворительно по двум основаниям, одинаково фатальным. Во-первых, трансляция всех суждений о прошлом (и

о будущем) в суждения об опыте в настоящем придает двойственное значение слову «настоящее». Обычно под предложением «Вчера шел дождь» не подразумеваются имеющиеся эмпирические свидетельства в его пользу: дождь, о котором идет речь, – это вчерашний дождь, независимо от того, идет он сегодня или нет. Чтобы верифицировать вчерашний дождь, нужно пережить вчерашний день и наблюдать за тем, шел дождь или нет. Сделать это сейчас в каком-то смысле невозможно, однако смысл предложения не вызывает серьезных сомнений. Отсюда следует, что либо все предложения, кроме тех, что касаются непосредственного настоящего, бессмысленны, либо это значение не может зависеть от окончательной верифицируемости. На это защитники данного принципа отвечали, что под верификацией понимается проверяемость не на практике, а в принципе, поскольку нет никакой причины, по которой «“р” верифицируемо» должно означать «“р” верифицируемо мной». Таким образом, «“р” значимо» теперь стало означать «возможно, что кто-то должен наблюдать или должен был наблюдать то, что правильно описано с помощью “р”» [8, р. 16–17]. В этой «разбавленной форме», по мнению Берлина, принцип приобрел гораздо более широкую сферу применения. Однако все, как указывал теоретик, то, что может быть объяснено этой гипотезой, это единичные категорические положения, которые окончательно проверяются, по крайней мере, в принципе, наблюдателем, находящимся в подходящем месте. Остаются неучтенными три класса предложений, которые, безусловно, используются чаще всего: предложения, которые не являются единичными; предложения, которые не являются категорическими; предложения, которые кажутся одновременно единичными и категорическими, но не поддаются окончательной проверке посредством наблюдения.

Наибольшую трудность представляют общие положения. Ни одно предложение вида «Все “s” есть “р”», где «s» обозначает бесконечное множество, не может быть проверено каким-либо конечным числом наблюдений. То есть оно вообще не поддается окончательной проверке. То же самое относится ко всем предложениям, содержащим в качестве компонентов «любой» или «каждый», но имеющим явное эмпирическое значение. Для преодоления подобной трудности было сформулировано два типа верификации – верификация в строгом смысле и «слабая» (вероятностная) верификация, предложенная А. Айером и представляющая собой модификацию концепций актуальной и потенциальной верификации Венского кружка, которая также признается Берлином неудовлетворительной. «Слабая» верификация, предназначенная для допуска только общих и материальных объектных высказываний, не может помешать создать любое утверждение, каким бы бессмысленным оно ни было, при условии, что можно найти кого-то, кто утверждает, что наблюдение в каком-то смысле релевантно чему-либо [8, р. 18]. Айер, возможно, осознавая это, в 1940–1950 гг. стал рассматривать верификацию как методологическое требование осмысленности

предложений, говоря о том, что некоторые эмпирические предложения могут быть выведены в соединении с другими основаниями, но не могут быть выведены только из них. Но даже этот критерий, по мнению Берлина, не защищает от бессмысленных утверждений. Таким образом, высказывание «все люди смертны» «слабо» верифицируемо, потому что «Сократ смертен» не следует из «Сократ – человек» само по себе, а следует из двух предложений, вместе взятых. Однако даже в таком виде данный принцип не устраивает Берлина: «Ибо, если я скажу, что эта логическая проблема ярко-зеленая, я не люблю все оттенки зеленого, следовательно, мне не нравится эта проблема, я высказываю правильный силлогизм, главная посылка которого удовлетворяет определению слабой верифицируемости, а также правилам логики и грамматики, однако явно бессмысленна» [8, р. 19].

Для Берлина ни значение, ни логический характер предложений не могут зависеть от того, какие шаги будут предприняты для того, чтобы удостовериться в их истинности. Для прояснения ситуации он предлагал следующий пример. Предположим, что вместо того, чтобы утверждать одно единственное гипотетическое предложение, я предлагаю два высказывания, что protasis одного несовместим с protasis другого, например: «если я останусь здесь, у меня будет болеть голова» и «если я не останусь здесь, мне будет скучно». Каждое из этих положений само по себе может быть верифицируемо; соединение обоих не может быть окончательно верифицировано даже в принципе, поскольку оно вовлекает в логическую невозможность быть в определенном состоянии и не быть в нем одновременно.

Суждения о материальных объектах или других «я» также не поддаются окончательной проверке. Предложение «Я держу в руке коричневый карандаш» может повлечь или не повлечь за собой суждения о прошлых и будущих действительных и гипотетических данных. Аналитики расходятся в этом вопросе: одни считают их частью того, что подразумевается под «этим карандашом», другие считают их лишь свидетельством существования карандаша, но не элементами его анализа. Общим для всех этих феноменалистских объяснений является то, что имеется в виду, когда человек говорит о карандаше. Однако данные, которые присутствуют, принадлежат к группе визуальных, осязательных, слуховых и т. д. Эти предложения не проверяемы с помощью суждений, описывающих то, что я действительно наблюдаю, и одного этого факта вполне достаточно, чтобы представить суждения о физических объектах как не подлежащие окончательной верификации в принципе, независимо от того, содержат ли они различные каузальные и общие положения. Таким образом, сильная и слабая верификация не может соответствовать своим задачам даже в границах чистого феноменализма.

Более того, сам феноменализм, стремящийся перевести все предложения в предложения о непосредственно воспринимаемых чувственных данных, представлялся Берлину несостоятельным [14], а существующая критика феноменализма, по его мнению, несет в себе «скрытый феноменализм», поскольку признает, что феноменалистская цель существует и может

быть достигнута, но конкретные пути ее достижения блокируются различными типами логических или эпистемологических препятствий [5, р. 38]. С позиции здравого смысла парадоксальными во всех феноменалистских анализах являются, например, следующие высказывания. Для феноменалиста предложение «В соседней комнате стоит коричневый стол» подразумевает под собой набор или ряд предложений типа «Если бы “типичный наблюдатель” подошел бы к соседней двери и посмотрел, он бы при нормальном освещении, других нормальных условиях и т. д. увидел бы то-то и то-то». Тогда закономерным вопросом будет следующий: «Но предположим, что никто не подойдет к соседней двери, что тогда? Стола и коричневого цвета не будет?» Или же, «если я полагаю, что в доисторические времена существовал сухопутный мост между Африкой и Америкой, то я согласен, что если бы в то время был наблюдатель в подходящем месте, он бы увидел сухопутный мост или его часть. Но можно утверждать, что на самом деле такого наблюдателя не было и что сухопутный мост тем не менее существовал». По мнению Берлина, последователи здравого смысла хотят сказать, что вопрос о существовании сухопутного моста, как и о существовании соседнего стола, – это одно, а вопрос о наличии или отсутствии, даже гипотетически, наблюдателя, это другое.

Анализировать материальные объекты с точки зрения гипотетических данных наблюдателей, по сути, означает превращать утверждения о них в утверждения о диспозиционных характеристиках наблюдателей. «Столик по соседству существует» в этом представлении означает, что кто-либо, находящийся в этой комнате, является возможным или потенциальным наблюдателем данного стола. Предложение, что рядом стоит стол, становится эквивалентным тому, что увидел бы наблюдатель, если бы посмотрел, т. е. набору гипотетических суждений о наблюдателе. «Но если я говорю: “Стол находится по соседству” или “Стол был здесь два часа назад”, даже если никто не смотрит, подразумеваю ли я, что стол существует всякий раз, когда на него смотрит человек, а в другое время, когда никто не смотрит, его нет?» Это именно то, в чем сторонники здравого смысла сомневаются: анализировать предложения о материальных объектах как утверждения о характеристиках наблюдателей означает представлять материальный объект в лучшем случае как прерывистый ряд фактических данных с пробелами, заполненными гипотетическими сущностями. «Для здравого смысла это равносильно разрушению самого стола» [5, р. 40–41]. Кроме того, для Берлина никакой прямой перевод из категорического в гипотетическое, как правило, невозможен, что разрушает одну из неперенных основ феноменализма. Такие экзистенциально-вещные объектные предложения, как «Стол находится по соседству», используются по крайней мере для описания чего-то, что происходит или характеризуется во время речи, при этом подразумевается, что стол существует «непрерывно» и ни в коем случае не «гипотетически».

В целом позиция Берлина состоит в том, что предложения о гипотетических чувственных данных не могут быть эквивалентны предложению о

материальном объекте. Гипотетическое предложение утверждает только то, что было бы, в то время как предложение о материальном объекте утверждает то, что происходит, произошло или произойдет в мире [5, р. 44]. В то время как различие между категорическими и гипотетическими предложениями является различием логической формы, будь то синтаксическая или семантическая, различие между способностью и неспособностью наблюдать данный объект является эмпирическим или каузальным. Действительно, существуют семантические различия, например, в изучении использования символов для обозначения существующих, а не отсутствующих сущностей, но нет никакой логической разницы в разграничении предложений, описывающих вещи в поле моего зрения, от тех, которые описывают вещи вне его [5, р. 45–46]. Берлин приводит следующий пример: «когда я говорю, что Наполеон носил треуголку или что вечером перед Бородинским сражением он испытал приступ раскаяния, я не имею в виду, что одного и только одного человека звали Наполеоном, и тот, кого так называли, носил треуголку или испытывал приступ раскаяния». Употребление данного слова является заменой того, на кого я не могу указать в буквальном смысле хотя бы потому, что родился слишком поздно. Определенные типы предложений направляют внимание на вещи и события, которые, следовательно, считаются существующими независимо от того, наблюдаются они или нет [5, р. 46–47].

Согласно феноменалистскому анализу, предложения, описывающие материальные объекты, будут различаться по логическому типу в зависимости от присутствия (по ощущениям наблюдателя) или отсутствия рассматриваемого объекта. Если оно присутствует, говорят, что можно говорить о фактически увиденных данных, и тогда предложение частично возможно анализировать посредством категорических предложений; если оно отсутствует, оно полностью опирается на гипотетические. Но это, конечно, не так: «если я скажу, что в этой комнате стоит коричневый деревянный стол, я могу сказать, что среди предложений, которые возможно формулировать о нем, некоторые являются категорическими, некоторые просто гипотетические, некоторые, возможно, не являются ни тем, ни другим. Действительные шаги, которые я должен предпринять, чтобы проверить предложения о данном столе, будут, конечно, варьироваться в зависимости от обстоятельств; но смысл фразы, которую я произношу, не меняется ни от движения стола, ни от глаз наблюдателя; значение высказывания “В моем кабинете есть коричневый стол” не изменяется от частично категориального к полностью гипотетическому и обратно, когда я обхожу его, распиливаю его пополам, захожу и выхожу из моего кабинета» [5, р. 49–51]. Кроме того, сведение всех предложений о материальных объектах к множеству общих положений, гипотез или теорий о поведении чувственных данных противоречит здравому смыслу. Такое предложение, как «Стол по соседству коричневый», является экзистенциальным, имеет экстенциональное значение и утверждает, что что-то происходит в том смысле, в котором гипотетические предложения обычно не утверждают ничего подобного.

Берлин стремился продемонстрировать, что множество предложений о материальных объектах не предполагает зависимости от существования или поведения их наблюдателей, а отношение наблюдателей к материальным объектам правильнее называть эмпирическим, а не семантическим вопросом, как бы глубоко речевое употребление и эмпирические убеждения ни были связаны между собой. Следовательно, существование позиции феноменалистов, согласно которой в принципе нельзя сказать о происходящем без явной и неявной отсылки к наблюдателям, является серьезным заблуждением, основанным на неспособности провести различие между каузальными предложениями естествознания или здравого смысла и предложениями о значении. Даже если только гипотетические предложения описывают условия, без которых мы не должны утверждать соответствующие категориальные положения, все же значение первых не то же самое, что значение вторых [5, p. 54–55].

Итак, что же представляет собой корректный анализ физических объектов и других самостей по Берлину? Если, следуя точке зрения, предложенной Ч. Брудом, рассмотреть данный материальный объект как конечный комплекс чувственных характеристик (называемых «m»), выбранных более или менее произвольно и бессознательно из более широкого множества однородно вариативных характеристики «n», то «m», конституирующие объект для данного наблюдателя, будут различаться в зависимости от времени или культуры, хотя для возможности коммуникации в настоящем и понимания записей прошлого необходим определенный минимум перекрывающихся общих референций. «Но когда “m”, представляющее ваш личный выбор из “n”, будет постепенно фальсифицироваться, наступит момент, когда вы, вероятно, откажетесь от своей веры в существование рассматриваемого материального объекта, поскольку ваш опыт не представляет достаточного количества характеристик, определяемых как “m”. А вопрос о достижении данной точки носит психологический или социологический характер; и я пойму вас лишь в той мере, в какой пересекаются наши соответствующие взгляды» [8, p. 27]. Даже если бы «случай “m” существует» было сформулировано как набор единичных пропозиций, оно все равно не поддавалось бы окончательной проверке, поскольку некоторые из его компонентов гипотетические, а используемые слова являются достаточно расплывчатыми, поэтому их нельзя верифицировать. Таким образом, критерий верификации, призванный устранить метафизические положения, чтобы спасти положения науки и здравого смысла, не может иметь с ними дело даже в своей самой слабой форме. Личность другого человека еще более непонятна. Если каждому «я» позволено проверять свой собственный опыт, кажется трудным объяснить, почему предложения «Моя зубная боль сильнее, чем твоя» или «Смит думает быстрее, чем Джонс» не бессмысленны. Следовательно, как указывает Берлин, каждый наблюдатель может ручаться за наступление или не наступление событий только в границах своего собственного опыта. Интроспективные состояния являются частными в

том смысле, в котором материальные объекты ими не являются, поэтому здесь также не может быть применен принцип верификации [8, р. 27–28].

Итак, хотя Берлин полагал, что возможно познать только мир человеческого опыта, он отверг верифицируемость как единственный или наиболее правдоподобный критерий для оценки предложений или гипотез, а также связанную с ним феноменалистскую точку зрения, согласно которой утверждения о мире имеют смысл только в том случае, если они относятся к реальному или возможному чувственному опыту. Вопреки этим взглядам, он на протяжении всей своей жизни утверждал, что многие предложения, которые нельзя было непосредственно проверить эмпирическим наблюдением или свести к описанию непосредственного чувственного опыта, тем не менее имели явное значение.

Критерии, обеспечиваемые «сильной» верификацией, в лучшем случае применимы к очень узкому кругу предложений наблюдения, в то время как «слабая» верификация вообще не может выступать как критерий осмысленности. Отсюда следует, что критерии типов верифицируемости не могут служить основанием для классификации эмпирических суждений относительно логических категорий. Это никоим образом не корректируется, даже если категорические истины о реальности ошибочно трактуются как эквивалентные гипотетическим истинам о наблюдателе. Подобный ложный маневр феноменализма был направлен на то, чтобы разделить все предложения о материальном мире на высказывания о реальных или возможных переживаниях и уподобить категорические и гипотетические предложения, однако, по мнению Берлина, различие между тем, что наблюдается, и тем, что остается ненаблюдаемым, никак не может быть результатом отличий логической формы. По сути, теоретик отрицал возможность перевода предложений о материальных объектах в предложения о чувственных данных. Когда Берлин поднимал вопрос об отношении пропозиции к объекту, в настоящее время не наблюдаемому, его линия аргументации может рассматриваться как соединение эпистемологии и логики, характерной для эмпирической традиции.

Список литературы

1. Берлин И. Мой интеллектуальный путь [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_4/06.htm (дата обращения: 07.01.2023).
2. Грановская О.Л. Исая Берлин: политическая философия с русскими корнями // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. Вып. 2. С. 93–105.
3. Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/39/11.pdf> (дата обращения: 07.01.2023).
4. Berlin I. Author's Preface // *Concepts and Categories*. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. XI–XIII.

5. Berlin I. Empirical Propositions and Hypothetical Statements // Concepts and Categories. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. 32–55.
6. Berlin I. The Crooked Timber of Humanity: Chapters in the History of Ideas. Princeton: Princeton University Press, 2013. 384 p.
7. Berlin I. The Purpose of Philosophy // Concepts and Categories. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. 1–11.
8. Berlin I. Verification // Concepts and Categories. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. 12–31.
9. Bernard W. Introduction // Concepts and Categories / I. Berlin. Richmond: Hogarth Press, 1978. P. XIII–XX.
10. Gray J. Isaiah Berlin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 183 p.
11. Ignatieff M. Isaiah Berlin: a life. L.: Vintage UK, 2000. 356 p.
12. Jahanbegloo R. Conversations with Isaiah Berlin. New-York: Charles Scribner's Sons, 1991. 213 p.
13. Ryan A. Isaiah Berlin: Political Theory and Liberal Culture // Annual Review of Political Science. 1999. № 2. P. 345–362.
14. Yumatle C. Isaiah Berlin's Anti-Reductionism: The Move from Semantic to Normative Perspectives [Electronic resource]. URL: <https://www.jstor.org/stable/26225783> (accessed: 20.08.2023).

I. BERLIN'S EARLY PHILOSOPHICAL VIEWS

V.P. Potamskaya

Tver State University, Tver

The article deals with the early philosophical views of I. Berlin, one of the most famous representatives of intellectual history and political theory. It is indicated that the subject of philosophy is not the elements of experience, but the ways in which they are considered, the fixed or relatively fixed categories by which it is thought and classified. The analysis of the verification principle carried out by Berlin is considered.

Keywords: *intellectual history, philosophy, positivism, verification, phenomenism.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD, Ass. Prof. of the Dept. of General History, Tver State University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru. SPIN-код: 3657-9312

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.10.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 24.11.2023.